

Валерий Гергиев командовал своей армией в Москве так же уверенно, как делает это в Питере.

Фото ИТАР-ТАСС

Гергиев устроил в Москве новую жизнь

Завершился Пасхальный фестиваль
Независимая. — 2002 — 14 мая — С 8.

Варвара Турова

Воскресенье в Москве закрылся Пасхальный фестиваль. Серия благотворительных концертов в больницах и домах ветеранов, хоровые духовные концерты в церквях, неделя колокольных звонов и четыре симфонических концерта в Большом зале консерватории — вот что представил публике Валерий Гергиев с Мариинским оркестром, хором и солистами.

Открытие было официальным и шикарным. После официальной части Гергиев тихо сказал, что ему хотелось бы посвятить и концерт, и весь фестиваль памяти Евгения Федоровича Светланова. Зал ответил аплодисментами. Минута молчания была единодушной и совершенно искренней.

бокий, основательный, очень русский «Александр Невский» Прокофьева. «Мертвое поле» в исполнении Ольги Бородиной ярко продемонстрировало именно то, что в просторечии именуют «загадочной русской душой». Надрывный, порой тяжелый, огромный голос певицы, казалось, создан для этого выматывающего номера. Правда, на другом концерте, в «Пульчинелле» Стравинского, выяснилось, что голос ее может быть и совсем другим — элегантным, мягким и обаятельным.

Вслед за Прокофьевым играли мировую премьеру: антракт из оперы «Новая жизнь» Владимира Мартынова. Опера по замыслу автора — символическое послесловие к оперному жанру. Поскольку история оперы насчитывает больше четырехсот лет, сказать что-либо принципиально новое в этом

жанре концертного исполнения помогал тонкий и тактичный аккомпанемент.

Ольга Трифонова (Снегурочка), Екатерина Семенчук (Лель) и Татьяна Бородина (Купава) моментально заставили забыть, что на сцене нет ни декораций, ни массовок, ни сказочных костюмов. Летящее, феерически легкое и одновременно насыщенное, редкой выразительности сопрано Снегурочки-Трифоновой соседствовало с темпераментным, горячим, порой надрывным голосом Купавы-Бородиной. А исполнение Екатериной Семенчук партии Лели объяснило, почему в юного пастуха влюблены сначала Снегурочка, а потом и Купава.

Нежное, теплое, глубокое меццо-сопрано Семенчук невероятным образом сочеталось с ее артистичностью. Она умудрилась безо всяких подручных средств (костюма, движения, декораций) создать удивительно ясный образ молодого, избалованного женским вниманием, а потому несколько холодного красавца. Стало понятно, почему неопытная Снегурочка просто не могла не растаять.

Кульминацией вечера стала кульминация самой оперы. Снегурочка-Трифонова со словами «Люблю и таю» и в самом деле таяла. Прямо на сцене Большого зала консерватории. Таяла, изнемогая. Голос певицы становился все более легким, летящим, высоким, почти неземным. Публика замерла. Хотелось, чтобы эта сцена, полная томной плавности, чувств и чувственности, светлого страдания, не кончалась никогда.

Видимо, чтобы встряхнуть публику, программой следующего концерта сделали гораздо менее томной. Девятая симфония Шостаковича, первый скрипичный концерт Прокофьева (в исполнении Вадима Репина) и «Весна священная» Стравинского. Большего аншлага фестиваль так и не увидел.

Вторая часть концерта, Скерцо, с этого года стала обязательной пьесой в программе курса Чайковского. Распространенная ошибка: воспринимать острейшую, быстрюю (и темпом, и настроением) образ-

ную пьесу как виртуозную миниатюру. Репин удовлетворил спортивное любопытство публики вполне. Он играл Скерцо ярко и эффектно. Бешеным темпом совершенно ослепил публику, которая дальше, за этой вспышкой, уже не смогла ничего большего разглядеть.

На последнем концерте в Большом зале играли музыку самую что ни на есть нарядную — первый акт «Руслана и Людмилы» Глинки, скрипичный концерт Чайковского и «Пульчинеллу» Стравинского.

Но удержать внимание зала четыре дня подряд сложно. Да и сам концерт был не лучшим. Неоправданные, неестественные темпы в Чайковском у Репина (при безупречном аккомпанементе), не слишком энергетически заряженная «Пульчинелла», уставшая публика... При этом на следующий день, на Поклонной горе, в увертюре «1812 год» Чайковского оркестр и дирижер совершенно не выглядели утомленными марафоном фестиваля. И снова безупречное качество первого концерта.

Но зато пришибленные московские амбиции воспряли на концерте в Малом зале. Три московские певицы (Татьяна Куинджи, Юлия Корпачева и Хибла Герзмава) напомнили публике о том, что хорошо поют не только в Мариинке. Три совершенно разных сопрано представили публике по небольшой камерной программе.

Куинджи почти истерично (и оттого незабываемо) спела «Кабы знала я» Чайковского, Корпачева (живо и обаятельно) — «Ты и Вы» Римского-Корсакова, Герзмава заставила зал сначала плакать на словах «Нет на Земле твоего короля...», а потом развеселила шуточной сценкой «Болтунья» Прокофьева.

Фестиваль получился разным, неровным, интересным. Мариинка приобрела новых поклонников, а московская публика — новых кумиров.

Когда-то отчасти с целью обогнать Большой театр Гергиев поднял Мариинский так, что театр стал лучшим в стране. И обидно становится: в Москве-то нет, и долго еще не появится — и такого оркестра, и такого дирижера.

Гергиев придал Пасхе новое звучание

Посвятить фестиваль Светланову было уместно еще и потому, что Евгений Федорович большую часть жизни занимался именно русской музыкой, из которой исключительно и состоит гергиевский фестиваль. На открытии играли Римского-Корсакова, Прокофьева, новое сочинение Владимира Мартынова и «Жар-Птицу» Стравинского.

С первых же нот «Светлого праздника» Римского-Корсакова стало ясно: нам, москвичам, со всеми «хорошими» оркестрами, раскрученным РНО, набирающим обороты БСО, многочисленными камерными (в том числе и неплохими) и не снился уровень Мариинки.

Программа открытия была, видимо, специально продумана так, чтобы сразу отправить отличную публику в нокдаун. Началось все довольно мирно: первым номером был филигранно исполненный, ритмически, кажется, просто совершенно, Римский-Корсаков. Дальше — уже без особых веселий — глу-

жанре Мартынов считает невозможным. А потому построил «Новую жизнь» на старом, в основном романтическом, материале. При этом «Антракт» совсем не выглядел неинтересной цитатой. Безупречная оркестровка, гибкие, простые и вместе с тем выразительные мелодические линии, разнообразие тембров, ритмов удались и Мартынову, и Гергиеву. К новому сочинению мэтра можно было бы придраться, что, мол, не случилось события, прорыва. Но именно приятная консервативность и мягкость — на фоне большинства новейших (всех как один сенсационных) сочинений — стали сенсацией сами по себе.

Во второй вечер была «Снегурочка» Римского-Корсакова. Она длилась три с половиной часа и никого не оставила равнодушным. Первое, что подумалось: это тот же оркестр, что вчера? От вчерашнего — сольного, самоуверенного симфонического звука — не осталось и следа. Певцам в очень нелегком